

Мавританские зарисовки

Заранее прошу прощения у читателя за излишнюю впечатлительность в личном опыте соприкосновения с мусульманским миром в Мавритании. В этой жаркой стране северо-западной Африки, где всего несколько раз в году льют дожди, мне довелось работать старшим референтом в российском посольстве. Вот краткие наблюдения того периода.

МАВРЫ, МАВРИТАНЦЫ И МАВРИТАНИЯ

При рассказе о местном народе сразу нужно уточнение: по общепринятому мнению, «маврами» по-латински европейцы называли издревле мусульман, завоевателей Иберийского полуострова, живших в регионе Магриба (Алжир, Тунис, Марокко). В новое время «маврами» именуют всех мусульман Северной и Западной Африки, включая вошедшую позже в Магриб Мавританию. По версии французского исследователя Жака Менье, название с корнем «мавр» носило в античное время финикийское племя. Современное обобщающее именование жителей страны «мавританцы» пошло от французских колонизаторов, назвавших в конце XIX века подведомственную их управлению территорию на латинский манер — «Мавритания». Очерченная французами колония оказалась одной из самых крупных стран в Африке по площади (более одного миллиона квадратных километров) и одной из

самых малонаселенных (три человека на квадратный километр). С одной стороны, милость Божия к этой стране видна в том, что здесь — одно из самых рыбных мест в мире, семь голов скота на одного жителя (высокий для Африки показатель), есть богатейшие запасы железной и медной руды, гипса, фосфоритов, цинка, вольфрама, фосфатов, урана и других минералов, протекает пресноводная река Сенегал. Прибавим к этому редкую в мире по числу видов миграционную зону птиц (Аргенская банка), финиковые оазисы, 254 солнечных дня в году... С другой стороны, ее правители так и не решили проблему преодоления крайней нищеты: около 80 % жителей живут менее чем на 100 американских долларов в год, 40 % детей хронически недоедают. Показатель смертности рожениц и детей — один из самых высоких в мире, а средняя продолжительность жизни у мужчин не достигает и пятидесяти лет. Грозным предостережением для властей служат надвигающиеся с востока со скоростью

шесть километров в год сахарские пески, которые могут засыпать оставшиеся несколько процентов плодородной территории.

Период складывания мавританской общности насчитывает более чем двадцать столетий. К числу ее представителей относят финикийские племена, которые через территорию нынешней Мавритании начали проделывать транссахельский торговый путь, связывающий Западную Африку и Средиземноморье. После их завоевания персами, а затем римскими армиями Александра Македонского финикийцы потеряли влияние в этом регионе, коренными жителями которого были кочевники-берберы, живущие скотоводством по сей день (сегодня их осталось около 80 тысяч, и это число постепенно сокращается). Естественной «кочевой» чертой берберов было стремление к освоению новых земель для скота и подчинению силой проживающих там негритянских племен. Начиная с V века, смуглые берберы стали именоваться «белыми» (аль-бейдан) в отличие от «черных» африканцев (аль-судан), которых обкладывали данью и брали в рабство. Во второй половине VII века ислам проникает на север страны, где находит сочувствие у объединенного берберского племени «санхаджа», которое объявляет «джихад» всем «неверным» (в частности, не примкнувшему к исламу берберскому племени «зенага»). Воспользовавшись в конце X века победой вожака империи Альморавидов Абу Бакар Ибн Омара над «неверными» берберами, «санхаджа» становится главной политической силой в стране, подчиняясь в последующем властям империи Мали (XIII—XIV вв.), а с XV века — поочередно — португальцам, голландцам и французам. 28 ноября 1960 года по инициативе президента Франции генерала Шарля Де Голля была провозглашена «независимая» Исламская Республика Мавритания (ИРМ). Моктар Ульд Дада из знатного племени законоучителей уляд барри, избранный первым ее президентом, в палатке транзитного селения Нуакшот (с араб. «место, где дуют ветра» или «верблюжий перевал») решил на совете с советниками-родственниками

и сотоварищами основать здесь столицу, расположенную между «белым» севером и «черным» югом. Хотя по скопированной у Франции Конституции ИРМ все ее жители являются свободными в гражданском смысле «мавританцами», как, например, в России «россияне», но уклад жизни со времен Омара мало чем изменился. Несмотря на отмену рабства в 1980-м году, оно существует по-прежнему: бывшие рабы-негры продолжают работать у хозяина-бербера за хлеб, кров и небольшую плату, арабы-берберы (65 % населения) занимают все руководящие должности, а негры (35 %) выполняют всю физическую работу, имея нескольких политических представителей в Парламенте, в армии и полиции служат потомки «хасанов», своим традиционным ремеслом — торговлей — заправляют «белые», они же формируют национальную гражданскую идеологию, издают законы и ведают судебным делом. В последнее время такое неравенство приводило к митингам и выступлениям «черных» мавританцев, которые власти жестко прерывали, используя многочисленный состав полиции, жандармерии, армии и президентской гвардии. Таким образом, видно, что сегодня «мавританец» — это и иммигрировавший араб, и смешанный с ним бербер-кочевник, и чистый бербер, и смешанный с бербером негр, и чистый негр, недовольный своим вековым социальным неравенством, сохранившимся и в условиях местной «демократии».

«ЧИСТЫЕ» МУСУЛЬМАНЕ

Мавритания (столица — Нуакшот) — страна, где 99 % населения официально считают себя мусульманами-суннитами (с араб. сунна — путь, пример, образец), а в частной беседе часто называют себя «чистыми» или «мирными» по вере мусульманами в отличие от шиитов, ваххабитов и всех других течений ислама, поощряющих самые агрессивные формы религиозного фанатизма. За один год из нескольких сотен встретившихся мне людей некоторые делились своей искренней верой в

Аллаха как в Бога-Отца, Вседержителя, Всесильного, Всеведующего в христианском понимании («великого, всемилостивого и всемогущего»), осмысленно и в тоже время в трепетно-ревностном духе разъясняли положения вероучения. Один из них — начальник отдела банка «Барака» (с араб. «барака» — «благодать»), получил образование в СССР; другой — седобородый дедушка-продавец из хлебной лавки, перебирающий четки и часто ночующий со своими друзьями-простецами в лавке на песчаном полу, третий — приходящий к нему вечерами на беседы о вере бедный, но довольствующийся тем, что есть, горожанин. Большинство же жителей Нуакшота были погружены в житейскую суету, исповедуя веру лишь часто упоминающейся в беседе фразой «Слава Богу!» («Аль хам де ле ля!») или излагали идею детерминизма о Боге, что Он заранее определил судьбу и число дней и путь жизни каждого человека на земле. Исламская вера в быту проявляется порой самым различным образом. Так, один «белый» мавританец прошел за мной с километр, уговаривая купить трубку для курения ручной работы с заношенным чехлом, при этом призывая имя Аллаха в доказательство ценности и красоты этого изделия. К счастью, женщина-арабка на рынке отсоветовала покупать трубку, зная истинную ей цену. Продавец же трубки, услышав это, разгневался на бедную женщину и чуть было не поколотил ее. Был и такой случай: торговец, воодушевившись вниманием белых европейцев к товару, неожиданно согласился на самую низкую цену, лишь бы белый посетитель не ушел без покупки и не забыл его щедрость. Упование его было на Аллаха, который не оставит в банкротях бескорыстного продавца. Чаще всего были случаи, когда иностранцев обсчитывали в магазинах, считая это вполне справедливым по причине материальной состоятельности покупателей. По их мнению, это своего рода «высчитанная» милостыня.

Лишь несколько раз мне пришлось столкнуться с проявлением нескрываемой вражды, замешанной на исламской вере. Так, на рынке боро-

даты старичок, проходя мимо меня, общающегося с местными отроками, узнав, что я не мусульманин, стал потряхивать своим посохом и грозно восклицать на арабском, что мы, «неверные», — такие-сякие. В другой раз состоятельный предприниматель упрекал русских в моем лице за ведение войны против их единоверных «братьев-чеченцев» и не желал слушать ничего о беззакониях «братьев». Иногда в магазине мавританцы при встрече упоминали о чеченском Грозном, давая понять, что этот вопрос их волнует и требует разъяснения. Арабское радио, как и западные СМИ, представляли операцию против чеченских наемников как войну «неверных» против мусульман. Но многие мавританцы в конце концов признавали, что раз чеченцы воюют за деньги, торгуют людьми и жестоко мучают и убивают попавших в плен, то они не мусульмане, а наемные бандиты.

«Чистоту» и «мирность» своей веры мавританцы связывают также с пустынным ландшафтом (более 90 % территории страны — пески), что, наряду с панорамой безбрежного Атлантического океана располагает к созерцанию, смирению в самопознании и богообщению. Наиболее ревностные молитвенники обычно удалялись в уединенные места сахарской пустыни, образуя там со временем братства, вера которых могла не сходиться с общепринятой в силу разного духовного опыта. По моим наблюдениям, негритянское население, в виду длительного социального неравенства, не расположено к ревностному служению Аллаху и держится своих традиционных верований, склоняясь также к христианскому вероучению, преподаваемому католиками. Может быть, боясь социального раскола на религиозной почве между «черными» и «белыми» мавританцами, местные власти, как и во многих арабских странах, строго ограничивают деятельность христианской миссии среди городского населения и не допускают никакого инородного сектанства в стране. Обратив мусульманина в иную веру считается гражданским преступлением и наказывается по местным законам и обычаям. В отличие от

крайне консервативных исламских государств в Мавритании допускается ввоз христианской духовной литературы и Библии и проповедь среди немусульман.

РУССКИЕ В МАВРИТАНИИ

Заканчивая вузы в СССР, многие мавританцы возвращались домой с русскими женами, которые на новом месте по-разному смогли принять новый — мусульманский — быт. Одни с удивительным смирением ради душевного мира в семье приняли основные догматы ислама. Мария, бывшая жительница Санкт-Петербурга, имеющая высшее филологическое образование, ныне тихая и незаметная мать троих детей, признавалась мне, что благодать Божия, исходившая от Владыки Ионна Петербургского и Ладожского, посещает и здесь моментами ее сердце во время молитвы и почивает на особо благочестивых мусульманах. Такие случаи — большая редкость. В основном, русские женщины принимают ислам внешне, а домострой устраивают по-русски, принимая, как это часто бывает и в России, бремя лидера на себя. Иногда дело доходит до борьбы за крещение детей в православной вере, так как и русские мамы и их русско-мавританские дети чувствуют благодатность православия после посещения храмов в России. Со стороны мужа — известное противление родственников и сограждан. Русско-мавританские (точнее, русско-негритянские и русско-берберские) дети являют собой дивное чудо: смуглая кожа, арабское одеяние, светлые ясные глаза, послушание и застенчивость, арабская степенность, но живой искренний интерес и совсем не арабская непосредственность и открытость в общении, в чем заметна жажда познания русской и далекой, и близкой духовной культуры. По всему было видно, что к России и русскому души этих детей тянутся больше, чем к арабскому. В одной русско-негритянской семье, где царил между супругами дух мира и уважения, супруг, идя по пути угождения христианке-жене, с большим сочувствием стал от-

носиться к русской культуре и православию.

Русские моряки, работающие здесь на рыболовецких судах у мавританских хозяев, проходят в связи с этим настоящее испытание на душевную прочность. Доверяя обещаниям мавританцев о высокой зарплате в конце года после реализации улова, они честно и добросовестно трудятся круглый год, а затем, сойдя на берег, ждут месяцами обещанные деньги под палящим 30-градусным солнцем и, не вытерпев такого мятарства, отправляются домой за счет мавританской стороны. Некоторые терпят до конца и получают значительно урезанную зарплату у хозяина, который критикует их работу, чтобы снизить ей цену. На самом деле, предприимчивые мавританцы чутко улавливают суть происходящего в России и, зная о ее политико-экономическом ослаблении, идут против совести в отношении русских, используя в добавок ко всему лицемерную формулу о допустимости такого обращения с «неверными».

Бывало, что мавританские хозяева шли на другой обман: предлагали русским вместо зарплаты отремонтировать какое-нибудь суденышко и самостоятельно использовать его на правах аренды для ловли и продажи рыбы. После ремонта, согласно контракту, русская сторона должна нести все расходы по функционированию судна и обеспечению питанием экипажа. Деньги же на горючее и питание мавританцы не давали, и русские оставались ни с чем. В добавление к этому, за стоянку судна тоже требовалась оплата, а штрафы местная полиция с ведома судовладельца сразу предъявила немалые. И вот так русские попадали в долговую ловушку и в буквальном смысле убежали с помощью посольства домой.

Самая вопиющая форма греха не любви к ближнему выявилась в случае с заболевшим сильным воспалением легких русским моряком. Он был направлен своим хозяином, мавританским судовладельцем, в частную больницу и был «забыт», так что, не получая питания, оказался на грани гибели, и только старания посольства, христианская вера моряка (был из казаков) и милость

Божия спасли его жизнь. Мне также пришлось испытать двойственное отношение к себе, как к иностранцу, когда после наезда сзади на предоставленный мне служебный автомобиль мавританец-араб из знатного рода (судя по его автомобилю и одеянию) не стал дожидаться дорожной полиции, как мы условились, а, улучив момент, умчался с места происшествия. В другой раз «белый» мавританец, врезавшись в мою машину, сильно помял ее, но платить сразу ущерб наотрез отказался и был поддержан собравшейся вмиг толпой. Однако какой-то мудрый единоведец подсказал ему, что плата за полицейскую экспертизу ляжет на его плечи. После этого мавританец сменил решительный отказ на снисхождение до небольшой суммы, которой явно было недостаточно для восстановления ущерба.

Здесь не раз приходилось удивляться стойкости, терпению и смирению русских. Господь вразумлял «заблудших в страну далече», и они раскаивались в своей погоне за деньгами, радовались вседушевно возвращению домой и еще больше проникались любовью к Родине и всему с ней связанному — вере, культуре, простоте и чистосердечию народа. Часто приходилось слышать признание «потерпевших»: «Больше я за границу ни за какие деньги не поеду!..» Был случай, когда из-за чрезмерно долгого ожидания зарплаты и развившегося пристрастия к алкоголю русский моряк умер, и мы, посольские, хоронили его на местном католическом кладбище, где год назад похоронили русского представителя Госкомрыболовства, умершего от СПИДа. Печальнее участь для русского человека трудно себе представить: в недоступной для родственников дали, среди унылых и чужих песков, в полном забвении — одинокая могила...

О ВОСПРИЯТИИ МУСУЛЬМАНАМИ ПРАВОСЛАВИЯ

В беседе с верующими мавританцами выявлялось следующее:

1. Господь Иисус Христос признается мусульманами уважительно как пророк наряду с Моисеем, Исаией и другими ветхозаветными пророками. Почитаемый мусульманами Мухаммед, основатель ислама, по их мнению, является последним (годы жизни — 570–632) из известных пророков и поэтому важнее их всех.

2. Женщины-мусульманки часто признают, что справедливее быть единственной любимой женой мужа, как в православии, или как в случае Мухаммеда и его жены Хадиджи. При этом сама жизнь свидетельствует о том, что жена уходит от мужа или муж оставляет жену, невзирая на сдерживающие запреты Корана и имамов. Рост числа разводов в стране достиг, по официальным данным, 30 %, что является характерным сегодня для многих арабских стран. Женщине-мусульманке строго-настроено запрещается принимать иную веру при замужестве, но не раз случайный простосердечный родитель при первом же разговоре со мной как бы между делом предлагал в жены свою дочь, соглашаясь с разъясненной ему перспективой перехода ее дочери в Православие и на жизнь ее в холодной далекой Сибири. «Лишь бы жила обеспеченно», — ратовал он, подразумевая мою дипломатическую должность.

3. О Страшном Суде мусульмане, как и нецерковные русские люди, привыкли не думать («примешь ислам — пойдешь в рай», — сразу подчеркивают местные женщины, давая понять одновременно, что ад — для «неверных»), но соглашаются, что участь человека зависит от Бога. Понятие о спасении души и нападении дьявола (араб. «шайтан») есть, а как бороться с «шайтаном», немощному человеку не разъясняется, как не разъясняются и способы борьбы с грехом и страстями в виду отсутствия четкого представления о последних двух понятиях. Три раза в посольство прибегал одержимый нечистым духом человек, прося отправить его в Россию, потому что братья-мусульмане угрожают ему расправой за его странное и порой безумное поведение.

4. Милостыня (садака), как и угощение бедных родственников обедом или ужином по родственной круговой поруке, имеет характер обрядовой традиции и этим ограничивается. Так, пообещав бедному родственнику небольшую плату за помощь в отделке и уборке выстроенного дома, богатая хозяйка гневно возмущалась, когда по его просьбе я попросил ее по-человечески сдержат слово. Хрупкий и немощный на вид мавританец, не имея к кому обратиться, в поисках защиты от обмана пришел пожаловаться в соседствующее российское посольство, где застал меня. По всем дипломатическим правилам оказать помощь, конечно, было недопустимо и грозило взысканием, но Бог миловал, и хозяйка, признав в конце концов, что она поступила «не по-мусульмански», обещала при всех слушающих заплатить бедняку. Крайне редко можно было наблюдать богатого мусульманина, который, направляясь из магазина к своему джипу, дал бы небольшую сумму одному из толпы нищих. Как правило, щедры на милостыню в Мавритании иностранцы. В столице проводят благотворительную деятельность несколько представительств ООН, Красный Крест, римско-католическая церковь, которая помогает в рамках медицины и просвещения католикам-сенегальцам и местным негроидным племенам, принявшим католицизм. На берегу реки Сенегал католические монахини основали небольшой уединенный скит, где возделывают собственный огород и поддерживают связь между миссиями в Мавритании и Сенегале. Сегодня там трудятся более десяти сестер и послушниц из Франции, Польши, Испании и Австрии. А вот об отсутствии небольшой православной часовни или церкви для русских летчиков, моряков, домохозяек можно было только поскорбеть вместе со всеми русскими. В соседнем Алжире, Марокко, Тунисе есть православные храмы, а тут нет ни одного при столь острой нужде в духовной помощи русскоязычным, коих общее число в Нуакшоте превышает обычно сто человек, не считая тех, кто работает в городе Нуадибу.

Эти краткие заметки нельзя не закончить еще двумя эпизодами. Молящиеся открыто и много (на перекрестках в буквальном смысле), постящиеся в Рамадан с унылыми лицами и любящие возлежания на собраниях, — арабы сразу напомнили образы из слов Спасителя о вере фарисеев и книжников, однако так живут в основном коммерсанты или богатые. Простолюдины же с искренним интересом готовы слушать слово о Боге и свободной воле человека, грехе и Страшном Суде, России. «Э...э... из тебя бы получился настоящий мусульманин!», — признался, озаряясь широкой улыбкой, дед-продавец, подметивший мою горячность в разъяснении основных понятий православной веры. «Ана ортодокс!» («Я православный!») — напоминаю ему. «...Ма салям!» («С миром!») — как обычно, при прощании пожелал он, явственно передавая мысль: все мы пред Богом ходим, нам бы только в мире жить.

...Через полтора года после возвращения из Мавритании Господь сподобил меня встретиться в лаврском храме святого пророка Иоанна Предтечи с маленькой смуглой девочкой, похожей на берберку, тихо стоявшей на исповедь к православному священнику вместе со своей белокурой русской бабушкой. Какое-то интуитивное чувство заставило меня обратиться к ним и спросить бабушку, не из Мавритании ли девочка. Бабушка тут же подтвердила мою догадку, рассказав, что мама у девочки русская и ее уже нет в живых, а папа-мавританец уехал домой из-за трудностей с работой в России. Девочку теперь растит и воспитывает в православной вере бабушка. Так что маленькая Фата, в отличие от своих сверстников на родине, уже исповедует свои грехи и молится Спасителю, Божией Матери и святым в нелегкой своей жизни. Как и бабушка, все упование восьмилетняя Фата возложила на Бога, и по всему было видно, что обе они не оставлены Его помощью и любовью. Поистине чудны дела Твои, Господи! И мавританка познает Православие через Твои не-исповедимые пути.

